

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2024.57.27>

СОВЕТИЗМЫ В АНГЛИЙСКОМ ПЕРЕВОДЕ РОМАНА В. ЛИПАТОВА «И ЭТО ВСЁ О НЁМ»

Научная статья

Копылов А.В.^{1,*}, Виноградова С.А.², Позднякова А.Р.³¹ ORCID : 0000-0002-4241-2308;² ORCID : 0000-0002-2476-9338;³ ORCID : 0009-0002-7561-0332;^{1,2,3} Мурманский арктический университет, Мурманск, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (andreikopylov2010[at]yandex.ru)

Аннотация

Статья посвящена сравнительно малоизученному аспекту истории переводов советской литературы на английский язык, а именно деятельности одного из переводчиков, сотрудничавших с советскими издательствами, публиковавшими переводы отечественной литературы на иностранные языки. В связи с непосредственной темой исследования в статье проанализированы способы передачи советизмов в английском переводе романа Виля Липатова «И это всё о нём», выполненном Алексом Миллером и опубликованном в 1983 г. советским издательством «Радуга». Авторы обсуждают специфику советизмов как реалий, их трактовку в советской и постсоветской лингвистике и теории перевода, способы их передачи применительно к их тематическим группам. Показаны также особенности подхода А. Миллера к передаче советизмов, позволяющие оценить влияние на него советской школы перевода.

Ключевые слова: советизмы, способы перевода, В.В. Липатов, Алекс Миллер.

SOVIETISMS IN THE ENGLISH TRANSLATION OF V. LIPATOV'S NOVEL "THE STOLETOV DOSSIER"

Research article

Kopylov A.V.^{1,*}, Vinogradova S.A.², Pozdnyakova A.R.³¹ ORCID : 0000-0002-4241-2308;² ORCID : 0000-0002-2476-9338;³ ORCID : 0009-0002-7561-0332;^{1,2,3} Murmansk Arctic University, Murmansk, Russian Federation

* Corresponding author (andreikopylov2010[at]yandex.ru)

Abstract

The article explores a relatively little known aspect of the history of English translations of Soviet literature, viz. the work of a translator employed by a Soviet publishing house specialising in foreign-language publications of Russian literature. The immediate focus of the article is on analysing various techniques of rendering Sovietisms in the English translation of V. Lipatov's novel *The Stoletov Dossier* made by Alex Miller for the 1983 Soviet Raduga Publishers edition. The authors discuss the specific character of Sovietisms as cultural terms, their theoretical interpretations in Soviet and post-Soviet linguistics and translation studies, as well as methods of translating them into English correlated to their thematic groups. A number of distinctive features of Alex Miller's approach to Sovietisms are also identified with a view to assessing the extent of the influence that the Soviet school of translation may have exerted on him.

Keywords: Sovietisms, translation techniques, V. Lipatov, Alex Miller.

Введение

В настоящей статье предпринята попытка анализа способов передачи советизмов в английском переводе романа Виля Липатова «И это всё о нём». Написанный в середине 1970-х годов, этот роман был в 1983 году опубликован издательством «Радуга» в английском переводе Алекса Миллера под названием *The Stoletov Dossier*.

Выбор именно этого, сравнительно малоизвестного, материала для анализа обусловлен тем, что он позволяет на конкретном примере составить представление о весьма интересном явлении в истории русско-английского художественного перевода, а именно о деятельности советских издательств, публиковавших переводы с русского языка на иностранные. Как правило, эти переводы заказывались специально для таких публикаций, с ними внимательно работали советские двуязычные редакторы, им придавалось большое значение как средства пропаганды за рубежом советской культуры и достижений СССР. Среди переводчиков, сотрудничавших с советскими издательствами «Прогресс» и «Радуга», были и такие, кто впоследствии получил известность благодаря переводам, опубликованным уже западными англоязычными издательствами, например, Эндрю Бромфилд или Кристофер Инглиш.

Алекс Миллер опубликовал в советских издательствах немало число своих переводов, включая как классические («Петр Первый» А.Н. Тостого), так и современные ему произведения (например, анализируемый роман), и в этом смысле его деятельность позволяет судить, так сказать, об общем характере и уровне советских переводов художественной литературы на английский язык. Не вызывает сомнения и то обстоятельство, что, работая с советскими издательскими редакторами, такие переводчики оказывались под своего рода регулятивным воздействием советской теории перевода, которая, наряду с собственно теоретической частью, обладала и четко выраженным прескриптивным компонентом, в рамках которого в послевоенный период были сформулированы достаточно

определенные требования к эквивалентности и адекватности перевода и к способам их достижения. Опыт советской школы художественного перевода хорошо изучен применительно к переводам с основных европейских языков на русский, выполненные же в ее рамках переводы с русского языка на иностранные изучены гораздо хуже. При этом они, несомненно, заслуживают внимания – и как важный аспект истории отечественного художественного перевода, и как некая альтернатива западной традиции переводов русской литературы.

Таким образом, в описанном выше контексте представляется разумным изучить, в частности, подход в советских англоязычных переводах к передаче советизмов как пласта лексики, специфического именно для советской литературы и чувствительного по идеологическим причинам для советской теории перевода. Настоящая статья как раз и стремится внести некоторый, по необходимости скромный, вклад в исследования такого рода. Для достижения этой цели авторы нашли наиболее целесообразным выбрать заведомо «рядовое» произведение советской литературы, переведенное на английский язык высокопрофессиональным переводчиком, имевшим опыт систематической работы с советскими издательствами.

Обсуждение

Под советизмами традиционно понимают лексические единицы, «отражающи[e] понятия и явления, характерные для различных областей жизни советского общества» [4, С. 89]. Это определение, данное в старом учебном пособии по русско-английскому переводу, является достаточно широким и удобным для практических целей переводческого анализа. В некоторых позднейших работах, впрочем, предпринимаются попытки дать более узкое определение этого понятия, связывающее его с необходимостью отражения в семантике советизмов «принципов собственно социалистической организации жизни» [5, С. 39]. Представляется, что в контексте переводоведения такой подход, придающий решающее значение сугубо идеологическому фактору, был бы не вполне целесообразен, так как он потребовал бы различения собственно советизмов и советских реалий, советизмами не являющихся, что вряд ли может найти отражение в способах перевода тех и других. В настоящей статье поэтому принято традиционное понимание советизмов.

Передача советизмов в русско-английском художественном переводе представляет собой достаточно интересный вопрос как в теоретическом, так и в культурно-историческом плане. Это может показаться неочевидным: вполне возможно считать, что, будучи безэквивалентными лексическими единицами, реалиями определенного периода отечественной истории, советизмы не будут демонстрировать существенной специфики относительно других групп такого рода лексики в плане перевода на другие языки. Впрочем, С. Влахов и С. Флорин в своей классической работе отмечали, что советизмы могут быть лишены двух характерных признаков реалий: национального колорита и отсутствия соответствий в других языках [2, С. 142], но и они обсуждали перевод советизмов с опорой именно на закономерности передачи реалий. Это вполне справедливо – хотя бы в том смысле, что описываемые теоретиками перевода способы передачи реалий являются вполне адекватным инструментом для анализа интересующего нас материала, однако некоторая специфика у советизмов как реалий всё-таки имеется. В цитированной выше работе болгарских переводоведов эта специфика определяется как наличие удовлетворительных соответствий советизмам в других языках при различии их культурного и идеологического фона, в особом «социальном колорите» советизмов [2, С. 142-143]. Здесь надо, впрочем, сразу же оговориться, что некоторые современные исследователи, напротив, указывают на то, что большинство советизмов не имеют английских эквивалентов и в отсутствие дополнительных пояснений непонятны иноязычному читателю [10, С. 233]. Другое отличие советизмов от иных реалий болгарские авторы видят в том, что при переводе советизмов особое значение приобретает характер сообщества предполагаемых реципиентов: для носителей языков социалистических стран, где в той или иной мере люди были знакомы с советскими реалиями, может подойти транслитерация и калька, а для жителей западных стран в тех же случаях может потребоваться еще и объяснительный перевод [2, С. 143-144].

В этой связи представляется, что для обсуждения природы советизмов существенное значение приобретает самовосприятие советских граждан как носителей русского языка: многие из них были склонны видеть в русском языке советской эпохи принципиально новый этап в развитии русского языка, связанный с идеями социально-экономического, научно-технического и культурного прогресса, принесенными Октябрьской революцией и образованием СССР. Вполне естественно, что советское государство стремилось транслировать эти идеи и за пределами своей страны, что делало вопрос о судьбе советизмов в иностранных языках весьма чувствительным. Академик Ф.П. Филин в работе «Истоки и судьбы русского литературного языка» (1981) делает характерное замечание: «Роль русского языка как источника распространения культурно-языковых ценностей за пределами нашей страны заметно возрастает» [8, С. 302]. Далее он приводит ряд предсказуемых примеров-советизмов в языках Западной Европы: *лунник*, *космонавт*, *космодром* и т.д. Любопытно, что он отмечает и «семантическое воздействие» русского языка на иные языки, особенно в Восточной Европе того времени. Таким образом, можно сказать, что в контексте самой советской эпохи советизмы характеризовались своего рода «аксиологическим преимуществом» перед иными реалиями, обусловленным, в частности, их способностью транслировать смыслы, наиболее значимые для советского общества и государства.

Отмеченная социокультурная и политическая установка не могла не повлиять и на практику переводов с русского языка на иностранные. Здесь стоит еще раз упомянуть о том, что в СССР некоторые издательства систематически публиковали такие переводы. Кроме того, на иностранных языках выпускались и периодические издания, такие как, например, газета *Moscow News* или журнал *Soviet Literature*. Таким образом, Советский Союз обладал весьма обширным собственным опытом переводов русской и советской литературы на иностранные языки, и советские переводоведы достаточно рано предприняли попытку его осмысления. В 1964 году Ю.М. Катцер и А.В. Кунин выпустили уже цитированное выше руководство «Письменный перевод с русского языка на английский» [4]. Эта книга, разработанная, прежде всего, как практический курс русско-английского перевода, содержит даже особый раздел (тема X), где специально рассматриваются советизмы [4, С. 89-94] и где авторы обобщают практику советский

переводческой школы в отношении их передачи на английский язык. В этом разделе приводится, в частности, сводка «основных способов передачи советизмов на английский язык», причем указывается, что она составлена «исходя из практики советских переводчиков». Способы эти следующие:

- 1) транслитерация; отметим, что практическая переводческая транскрипция, выдвинувшаяся к середине XX века как основной способ передачи имен собственных [3, С. 71], при этом не упоминается;
- 2) калькирование, в рамках которого авторы выделяют три вида;
- 3) описательный перевод;
- 4) прибавление к основе исходного слова английского суффикса вместо русского [4, С. 89-90].

Нетрудно заметить, что, по меньшей мере, три первых из числа выделенных в руководстве Ю.М. Катцера и А.В. Кунина способов перевода советизмов неизменно упоминаются и в современных работах при обсуждении темы передачи реалий. При этом, однако, современные руководства по русско-английскому переводу обычно уже не содержат специальных разделов, касающихся перевода советизмов. Подобного раздела нет, например, в весьма авторитетном современном учебнике перевода с русского языка на английский [3], подготовленном Д.И. Ермоловичем. Здесь, впрочем, надо заметить, что этот учебник и в целом построен на совершенно иных принципах, чем упоминавшееся ранее пособие Ю.М. Катцера и А.В. Кунина. Можно предположить, что отказ современных авторов от выделения вопроса о переводе советизмов в самостоятельную тему вызван не в последнюю очередь тем обстоятельством, что после распада СССР, с утратой практической актуальности для большинства переводчиков проблемы передачи советизмов, эти последние лишлись и того, что мы выше определили как их «аксиологическое преимущество» перед иными классами русских реалий. Советизмы теперь, так сказать, уравнились в правах с иными реалиями, и в этом отношении представляется вполне разумным анализировать способы их передачи исходя из общих способов перевода реалий. Опыт именно такого рода анализа и представлен далее в настоящей статье. Поясним некоторые теоретические предпосылки этого анализа.

В качестве основы для классификации рассматриваемых в данной работе реалий принят подход В.С. Виноградова [1, С. 105-117]. Его классификация лексики, несущей фоновую информацию, основана на широко известной классификации реалий С. Влахова и С. Флорина [2, С. 47-79], в которую он внес ряд уточнений. Весьма важное преимущество классификации В.С. Виноградова для наших целей состоит в том, что она построена на последовательно проведенном тематическом принципе, что делает удобным и, как правило, практически бесспорным распределение соответствующего эмпирического материала исследования по ее рубрикам, названия которых обычно не требуют ни дефиниций, ни даже пояснений. По этой причине в данной статье отсутствует общий обзор названной классификации, весьма объемной и детализированной. Заинтересованный читатель в любом случае имеет возможность обратиться к соответствующему разделу указанной работы В.С. Виноградова.

Существуют, разумеется, и классификации советизмов как таковых. В специальной литературе достаточно часто фигурирует предложенная в 1998 году классификация советизмов В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной [7, С. 10-13], которые разделили их на три вида: семантические (*пионер*), лексико-словообразовательные (*верблюдохоз*) и стилистические (*вождь мирового пролетариата*). Последние часто представляют собою, как видно из приведенного примера, стереотипные номинации-перифразы, несущие выраженную идеологическую окраску. Но, как поясняют авторы, к стилистическим советизмам в этой классификации, строго говоря, можно отнести также и иные образования, передающие пафос социалистического строительства (*бессмертные идеи ...*), даже если образующие их единицы, взятые изолированно, советизмами не являются. Нетрудно заметить, что в приведенной классификации стилистические советизмы по критерию их выделения отличаются от первых двух групп, выделенных на едином основании. В этом вовсе необязательно видеть некий изъян: данная классификация была предложена в вводном разделе словаря советизмов и отражает, соответственно, группировки описываемых единиц, полученные авторами в результате индуктивного обобщения эмпирического материала, положенного в его основу. Для наших целей выделение категории стилистических советизмов оказалось эвристически полезным: дело в том, что проанализированный нами материал, наряду с собственно реалиями советского периода, без затруднений допускающими распределение по рубрикам классификации В.С. Виноградова, содержал также некоторое количество единиц, явно отсылающих к советскому периоду, но реалиями не являющихся, таких как лозунги, татуированные надписи и т.п. Они, как представляется, могут быть вполне адекватно рассмотрены именно под рубрикой стилистических советизмов. Отметим также, что эти последние никоим образом не выходят за рамки принятого нами широкого определения советизмов.

Таким образом, анализируемый в данной статье материал может быть распределен следующим образом:

- 1) советизмы-реалии (с дальнейшей тематической рубрикой по С.В. Виноградову);
- 2) стилистические советизмы. Для определения способов перевода советизмов-реалий также использована, ввиду ее логичности и удобства, классификация В.С. Виноградова [1, С. 118-122].

Им выделены пять основных способов их передачи: транскрипция (наряду с транслитерацией), гипогиперонимический перевод (замена видового понятия родовым и наоборот), уподобление (замена одного видового понятия другим, соподчиненным тому же родовому), описательный (иначе – экспликативный, дескриптивный, перифрастический) перевод (краткое объяснение реалии непосредственно в тексте), калькирование. При этом перевод стилистических советизмов, по-видимому, не во всех случаях может быть сведен к какому-либо из упомянутых способов.

Материалом для анализа способов перевода советизмов в данной статье послужили отобранные из романа и его перевода методом сплошной выборки советизмы и их соответствия, число которых после удаления повторов составило 124 единицы (двуязычные пары). Среди них явно преобладают советизмы-реалии (117 единиц), стилистических же советизмов было выявлено только семь. Рассмотрим некоторые существенные особенности их передачи применительно к их отдельным группам.

Советизмы-реалии. Среди них бытовые реалии представлены достаточно скромно: из общего числа в 30 единиц большинство составляют относящиеся к жилищу и имуществу (18), игры и праздники отражены в 8, а обращения, содержащие советизмы, составили 4 единицы (без учета неоднократных повторов, естественно). Способы передачи бытовых реалий на английский язык в большинстве случаев вполне предсказуемы и стандартны: при отсутствии эквивалентных соответствий (таких, как *бал-маскарад* – *fancy-dress ball*) это обычно уподобления (*ушат* – *tub*) и описательный перевод (*рукомойник* – *wash-stand dispenser*). Любопытен случай уподобления, связанный с популярной в советское время карточной игрой: «Сыграли бы лучше в подкидного дурака» [6, С. 104]. – «They'd do better to play snar» [9, С. 99]. Строго говоря, игра в *подкидного дурака* и *snar* совсем не похожи друг на друга в отношении их правил, однако у них обнаруживается одна общая особенность: обе эти игры, каждая в своей культуре, ассоциируются с начинающими, неопытными или несерьезными игроками. Учитывая, что именно это обстоятельство и является решающим для понимания контекстуального смысла высказывания, приведенное уподобление, весьма смелое, следует признать вполне оправданным. Отметим, что в данном случае название игры приобретает отчасти характер ассоциативной реалии. Предпочтение, отдаваемое переводчиком перечисленным выше способам, видимо, связано с их способностью достаточно экономно передавать фактическую, а иногда и ассоциативную информацию, тогда как частичная утрата культурного колорита в данном случае не является критичной для восприятия текста, в котором отсутствует установка на «любование» этнографической спецификой места действия. Советские обращения ко времени создания перевода имели в английском языке уже вполне устойчивые, эквивалентные соответствия (*гражданин* – *Citizen*, *товарищ* – *Comrade*), которыми пользуется, разумеется, и Алекс Миллер. В переводе романа, однако, всё же имеются два весьма интересных случая, связанных с обращениями. Один из них – это замена советизма на «нейтральное» обращение: «Меня нет, товарищи мужчины» [6, С. 65]. – «I'm off, my dear men» [9, С. 60]. Здесь логика замены вполне прозрачна: в советское время слово «товарищи» могло использоваться как обращение и в неофициальном контексте, без какой-либо идеологической нагрузки, что и происходит в данном случае. Английское *Comrades*, используемое как обращение, напротив, неизбежно идеологически окрашено, и поэтому в ситуации дружеской беседы его употребление создавало бы, в силу явной контекстуальной неуместности и нарушения привычной сочетаемости, незапланированный юмористический эффект. Другой случай представляет собой добавление советского обращения тем, где его не было в оригинале: «Так точно!» [6, С. 87]. – «Right you are, Comrade Captain!» [9, С. 82]. Это решение можно объяснить, видимо, тем, что в подобных случаях английский этикет требует завершить высказывание определенным обращением к старшему по званию, а использование обращения-советизма создает подобающий ситуации местный колорит.

В полном соответствии с тематикой и сюжетом романа, в основу которого положена история о расследовании гибели молодого рабочего в сибирском поселке, реалии государственно-административного устройства в нем гораздо более многочисленны (87), чем бытовые советизмы. У В.С. Виноградова это весьма детально разработанная рубрика, и среди нашего материала под нее подходят рассматриваемые далее пять групп реалий.

Среди них реалии, относящиеся к государственным институтам и административным органам, составляют 6 единиц, а реалии, касающиеся общественных организаций, партийных и комсомольских функционеров, представлены 13 единицами. Учитывая обширный опыт советских переводчиков, А. Миллер и здесь пользуется почти исключительно уже сложившимися соответствиями, ко времени его перевода функционировавшими в советских англоязычных текстах фактически как готовые эквиваленты (в романе это, например, *райком комсомола* – *the Komsomol District Committee*). Первоначально многие из таких соответствий были образованы посредством калькирования, причем применительно к русским сложносокращенным словам этот способ модифицируется стандартным образом, описанным Ю.М. Катцером и А.В. Куниным, – калькируемые основы не сокращаются, благодаря чему слово передается словосочетанием: ср., наряду с уже приведенным примером: *парторг* – *Party Organizer*. В одном изолированном случае А. Миллер использует применительно к единице этой группы гипогиперонимический перевод, вполне обусловленный контекстуально: «Красный уголок был наполнен до отказа» [6, С. 340]. – «The room was packed» [9, С. 336]. В данном контексте важно именно количество собравшихся людей.

Реалии, относящиеся к деятельности промышленных и аграрных предприятий, представлены 24 единицами. В эту группу мы включили не только номинации самих предприятий, но и лексику, касающуюся организации их деятельности. Здесь встречаются отдельные эквиваленты (в случаях, когда русское слово как таковое может восприниматься как советизм, но обозначает нечто связанное с технической стороной организации труда, т.е. не специфически советское: *спецовка* – *working overalls*), но более широко используются уподобления (*технорук* – всегда *chief engineer*), объяснительный перевод (*орсовская столовая* – *local cafeteria*) и кальки (*плановое задание* – *planned target*). Разнообразие этих приемов не кажется неожиданным: оно просто отражает достаточно гетерогенный состав данной группы советизмов, обозначающих разные явления и аспекты функционирования советской экономики, которым иногда было можно обнаружить аналоги в экономике англоязычных стран, а иногда нет.

С учетом того, что одним из основных персонажей романа является следователь из районного отдела милиции, не вызывает удивления большое число реалий, относящихся, как выражается В.С. Виноградов, к «воинским и полицейским подразделениям» и их деятельности: таких реалий оказалось больше всего – 26 единиц. Разумеется, в данном романе речь идет исключительно о советской милиции. Прежде всего, следует обратить внимание на систематическое использование А. Миллером своего рода «английских советизмов» *militia*, *militiaman* вместо более привычных для современных переводов с русского *police*, *police officer*. Этот вариант в наше время принято критиковать, и вполне справедливо: *militia* у «среднего» носителя английского языка вызывает представление об ополчении или некоем неофициальном вооруженном формировании, но не о полиции. Можно предположить, что А. Миллер понимал это ничуть не хуже, чем нынешние критики этого варианта, но у него вряд ли мог быть выбор: указанные варианты использовались фактически на правах единственных как советскими англоязычными СМИ, так и переводчиками советских издательств. Иными словами, несмотря на их явную уязвимость, советская школа перевода

закрепила за ними статус эквивалентов. Здесь в очередной раз сказывается зависимость от нее и анализируемого нами перевода. Отметим, что принимая варианты *militia* и *militiaman*, переводчик поневоле создает себе в ряде случаев проблему с передачей прилагательного *милицейский*, неоднократно встречающегося в романе: невозможность образовать от этих существительных прилагательные и во многих случаях невозможность использовать их в функции препозитивного определения приводит к необходимости перестраивать синтаксическую структуру словосочетаний: в *милицейской практике* [6, С. 25] – *in his practice as a militiaman* [9, С. 19]. Многие единицы этой группы советизмов предсказуемо калькируются, при этом аббревиатуры обычно расшифровываются: *ОБХСС* [6, С. 434] – *the Department for Struggle with the Theft of Socialist Property and with Speculation* [9, С. 430]. Использованное в реплике следователя, это громоздкое соответствие придает ей оттенок заметно большей, чем в оригинале, официальности. Однако там, где английский язык имеет заимствованную из русского аббревиатуру, именно она в своем традиционном виде и используется: *ЧК* – *Cheka*. В целом, как можно заметить, при передаче советизмов этой группы А. Миллер строго ориентируется на сложившуюся ко времени его перевода советскую практику.

Группа реалий, связанных с гражданскими должностями и профессиями, немногочисленна – всего 10 единиц. Способы их передачи, однако, достаточно разнообразны для столь ограниченной группы: эквивалент (*заведующий* – *manager*, *тракторист* – *tractor driver*); уподобление (*воспитательница* – *nurse*), иногда способное, на наш взгляд, ввести в заблуждение (*механизаторы* – *mechanics*); опущение (*завуч* [6, С. 169]); калькирование (*главный врач* – *senior doctor*). Представляется вероятным, что при передаче единиц этой группы А. Миллер в меньшей степени сталкивался с необходимостью следовать советской традиции перевода, чем в случае советизмов, обозначающих государственные, партийные и милицйские реалии. Кроме того, готовых решений здесь в любом случае было бы меньше.

Ономастические реалии-советизмы также немногочисленны – таковыми для наших целей имеет смысл считать лишь 8 единиц, при условии исключения антропонимов-имен персонажей и вымышленных и реальных топонимов, которые стандартным образом транскрибированы. Способы передачи этих оставшихся единиц довольно разнообразны. *Брянская область* передана как *the Bryansk region*, в полном соответствии с советской практикой перевода названий единиц административно-территориального деления СССР. *Октябрьская улица*, однако, становится *October Street* – калькирование, сохраняющее внутреннюю форму топонима, возможно, из-за стремления сохранить ассоциацию с Октябрьской революцией. Упоминание «молодогвардейцев Краснодона» [6, С. 177] могло бы остаться непонятным в переводе, в силу того, что роман Фадеева «Молодая гвардия» незнаком подавляющему большинству потенциальных англоязычных читателей Липатова, и поэтому становится вполне разумным использование описательного перевода, упоминающего в этом месте текста «the struggle that the Komsomols waged against the enemy in the rear during the war» [9, С. 173]. Имя общеизвестного в СССР литературного персонажа Остапа Бендера переводчик комментирует в подстраничном примечании [9, С. 176]. *Портрет Ильича* [6, С. 279] вполне обоснованно передан как *the portrait of Lenin* [9, С. 276] – здесь можно видеть весьма своеобразный случай замены малоизвестного в целевой культуре антропонима на другой, общеизвестный, но принадлежащий тому же человеку и в исходной культуре. В целом же, передача А. Миллером ономастических советизмов демонстрирует последовательное стремление обеспечить максимально легкое понимание соответствующих мест оригинала реципиентом перевода: здесь, можно сказать, он держится преимущественно доместизирующей стратегии.

Стилистических советизмов в романе было обнаружено незначительное количество, всего 7 единиц, но некоторые из них весьма интересны в аспекте перевода. Сразу же отметим, что их анализ в терминах стандартных способов перевода несколько затруднен как спецификой самих единиц (это не отдельные лексемы), так и комплексным характером ряда принятых А. Миллером решений, и поэтому здесь он вряд ли обладает существенной объяснительной силой. Здесь представляется более уместной попытка своего рода герменевтической реконструкции наиболее интересных случаев. Таковыми в рассматриваемом переводе являются, пожалуй, советские лозунги, рекламные слоганы и одна надпись-татуировка. В отдельных случаях практически буквальный перевод может дать вполне удовлетворительный результат: «Что ты сделал, чтобы победить в социалистическом соревновании?» [6, С. 155] передано как «What Have You Done to Win at Socialist Emulation?» [9, С. 151]. Советский колорит этого плакатного лозунга в переводе выступает едва ли не более отчетливо, чем в оригинале: *socialist emulation* для английского языка фактически является экзотизмом и уже самой своей необычностью более эффективно привлекает внимание реципиента к этой советской реалии, чем это делает ее исходное русское обозначение для русскоязычного читателя того времени. Весьма интересен рекламный слоган сберкассы. Русский вариант: «В сберкассе денег накопил, машину купил» [6, С. 155]. А. Миллер воспроизводит «стихотворный» характер слогана, и для этого ему нужна рифма. Найденный им вариант по-своему остроумен: «He Saved Up and Got Rich, Now He Owns a Moskvich» [9, С. 151]. Здесь весьма необычно применение в переводе названия конкретной марки советского автомобиля вместо оригинального гиперонима «машина». Можно предположить, что переводчик счел это название знакомым достаточно большому числу своих потенциальных читателей, чтобы его имело смысл использовать: для понимания слогана здесь необходимо знать, по меньшей мере, что речь идет об автомобиле. При этом здесь, при вполне советском характере исходного слогана (знакомый всем советским людям призыв «хранить деньги в сберегательной кассе»), в переводе можно усматривать некую «аксиологическую деформацию»: в нем речь идет не просто о накоплении суммы денег, позволяющей купить автомобиль, а скорее о том, что это становится возможным благодаря «обогащению» («He ... got rich») через накопление денег на вкладе. Стремление же к обогащению в Советском Союзе, как известно, отнюдь не поощрялось. Возможно, впрочем, что этот идеологически подозрительный момент компенсировался несколько юмористическим характером английского слогана, который отсутствует в оригинале: необходимость найти рифмующиеся слова заставила А. Миллера выбрать марку сравнительно дешевой машины, которая даже по советским меркам вряд ли могла говорить о богатстве ее владельца. Наконец, рассмотрим перевод характерной для советских людей с криминальным прошлым татуировки «Не забуду мать родную» [6, С. 151]. А. Миллер передает ее как «Don't forget your darling mother» [9, С. 147]. Здесь привлекает внимание изменение наклонения глагола с изъявительного на

повелительное и замена эпитета на *darling*. Представляется, что эти трансформации могли быть обусловлены стремлением подчеркнуть особого рода сентиментальность, нередко приписываемую преступникам: обещание помнить о матери превращается в императив (эффект эмфатизации), а новый эпитет, в свою очередь, придает ему сентиментальный оттенок. Разбор даже этих трех случаев передачи стилистических советизмов показывает, что их перевод может потребовать значительной креативности, умения находить решения *ad hoc*.

Заключение

Представленный выше анализ передачи советизмов в английском переводе романа Виля Липатова «И это всё о нём», выполненном в начале 1980-х годов Алексом Миллером для издательства «Радуга», был задуман как исследование одного из аспектов советской практики русско-английского художественного перевода на примере одного из многочисленных образцов такого рода переводной литературы. Выбор передачи советизмов в качестве непосредственной темы исследования обусловлен как их особой значимостью для советской культуры и политики, так и тем обстоятельством, что советская переводческая школа сформировала вполне определенный подход к переводу таких единиц, что, в частности, позволяет проследить возможное влияние установок этой школы на переводчиков с русского языка на английский, которые работали не только на пересечении языков и культур, как это делают все переводчики, но и, если можно так выразиться, на пересечении переводческих традиций.

Представляется, что проведенное исследование позволяет сделать некоторые выводы о возможном характере такого влияния. Способы перевода советизмов-реалий, на которые ориентируется Алекс Миллер, не отличаются в целом от способов передачи реалий вообще. При этом, однако, можно констатировать, что при переводе реалий, относящихся к государственным, административным и партийным органам, их деятельности и функционерам, а также реалий, относящихся к советской милиции, т.е. тех реалий, которые были наиболее значимы для СССР в идеологическом отношении, А. Миллер весьма строго следует сложившейся в советской школе перевода традиции их передачи. Это наиболее очевидным образом проявляется в широком использовании им готовых соответствий, выработанных ранее для таких единиц советскими переводчиками. На наш взгляд, в подобных случаях вполне можно утверждать, что, по меньшей мере, наиболее важные и распространенные из советизмов этих тематических групп обладали в советской англоязычной продукции общепризнанными эквивалентами. Эти последние первоначально были получены определенными стандартными способами (часто транслитерацией или калькированием), описанными, в частности, Ю.М. Катцером и А.В. Куниным, но реально функционировали в советской практике перевода на английский именно как эквиваленты. В случае иных тематических групп советизмов-реалий (бытовых, реалий промышленности и сельского хозяйства, гражданских должностей и соответствующей профессиональной деятельности и т.п.), которые не обладали прямой идеологической значимостью, репертуар использованных А. Миллером приемов оказывается более разнообразным, причем можно констатировать предпочтение, отдаваемое переводчиком тем из них, которые способны облегчить восприятие текста англоязычным читателем. Можно предположить, что там, где отсутствовали идеологические соображения, А. Миллер был склонен ориентироваться на то, что впоследствии было осмыслено как стратегия доместикации. Отметим, что такая установка была вполне свойственна и советской школе художественного перевода в целом: достаточно вспомнить принципы, утвердившиеся в отечественной практике перевода после победы И.А. Кашкина и его сторонников в их полемике с «формалистами». При передаче стилистических советизмов Алекс Миллер демонстрирует способность находить весьма нетривиальные решения.

Таким образом, текст перевода Алекса Миллера, опубликованный издательством «Радуга», в своих определяющих моментах вполне вписывается в традицию советской переводческой школы.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Сообщество рецензентов Международного научно-исследовательского журнала
DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2024.57.27.1>

Conflict of Interest

None declared.

Review

International Research Journal Reviewers Community
DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2024.57.27.1>

Список литературы / References

1. Виноградов В.С. Перевод: общие и лексические вопросы : учебное пособие / В.С. Виноградов. — М.: КДУ, 2006. — 240 с.
2. Влахов С. Непереводаемое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. — М. : Высшая школа, 1980. — 344 с.
3. Ермолович Д.И. Русско-английский перевод : учебник / Д.И. Ермолович. — М. : Аудитория, 2015. — 592 с.
4. Катцер Ю.М. Письменный перевод с русского языка на английский / Ю.М. Катцер, А.В. Кунин. — М.: Высшая школа, 1964. — 408 с.
5. Купина Н.А. Советизмы: к определению понятия / Н.А. Купина // Политическая лингвистика. — 2009. — № 28. — С. 35-40.
6. Липатов В.В. И это всё о нём / В.В. Липатов. — Минск : Юнацтва, 1985. — 448 с.
7. Мокиенко В.М. Толковый словарь языка Совдепии / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. — СПб. : Фолио-Пресс, 1998. — 704 с.
8. Филин В.П. Истоки и судьбы русского литературного языка / В.П. Филин. — М.: Наука, 1981. — 328 с.
9. Lipatov L. The Stoletov Dossier / L. Lipatov. — Moscow: Raduga Publishers, 1983. — 446 p.

10. Vid N. Sovietisms as cultural, social and historical realia in English retranslations of Bulgakov's *The Fatal Eggs* / N. Vid, P. Zagar-Sostaric // *Across Languages and Cultures*. — 2021. — № 2. — P. 233-253.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Vinogradov V.S. *Perevod: obshhie i leksicheskie voprosy : uchebnoe posobie* [Translation: general and lexical issues: a tutorial] / V.S. Vinogradov. — M.: KDU, 2006. — 240 p. [in Russian]
2. Vlahov S. *Neperevodimoe v perevode* [Untranslatable in translation] / S. Vlahov, S. Florin. — M.: Higher school, 1980. — 344 p. [in Russian]
3. Ermolovich D.I. *Russko-anglijskij perevod : uchebnik* [Russian-English translation: textbook] / D.I. Ermolovich. — M.: Auditorium, 2015. — 592 p. [in Russian]
4. Katzer Yu.M. *Pis'mennyj perevod s russkogo jazyka na anglijskij* [Written translation from Russian into English] / Yu.M. Katzer, A.V. Kunin. — M.: Higher school, 1964. — 408 p. [in Russian]
5. Kupina N.A. *Sovetizmy: k opredeleniju ponjatija* [Sovietisms: towards a definition of the concept] / N.A. Kupina // *Politicheskaja lingvistika* [Political linguistics]. — 2009. — № 28. — P. 35-40. [in Russian]
6. Lipatov V.V. *I jeto vsjo o njom* [The *Stoletov Dossier*] / V.V. Lipatov. — Minsk: Youth, 1985. — 448 p. [in Russian]
7. Mokienko V.M. *Tolkovyj slovar' jazyka Sovdep'ii* [Explanatory Dictionary of the Language of the Soviet Union] / V.M. Mokienko, T.G. Nikitina. — St. Petersburg: Folio-Press, 1998. — 704 p. [in Russian]
8. Filin V.P. *Istoki i sud'by russkogo literaturnogo jazyka* [Origins and fate of the Russian literary language] / V.P. Filin. — M.: Science, 1981. — 328 p. [in Russian]
9. Lipatov L. *The Stoletov Dossier* / L. Lipatov. — Moscow: Raduga Publishers, 1983. — 446 p.
10. Vid N. Sovietisms as cultural, social and historical realia in English retranslations of Bulgakov's *The Fatal Eggs* / N. Vid, P. Zagar-Sostaric // *Across Languages and Cultures*. — 2021. — № 2. — P. 233-253.